

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе! а нынѣ пошелъ въ чистую.

Милонъ. Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Мало толку арихметикѣ маракую, такъ и питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслить, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрнуть, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь, праздно жить не люблю. На досугѣ жъ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными ¹³⁾ бьемся, да что-то плохо клеятся. Ну и то правда, человекъ на человека не приходитъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ инаго пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловить на полетѣ.

Правдинъ (*Кутейкину*). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Риторикѣ ¹⁴⁾, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: „Такой-то-де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убоая бездны премудрости, просить отъ нея объ увольненіи“. На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: „Такого-то-де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть — не мечите бисера предъ свиніями, да не попруть его ногами“.

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣевна. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

¹³⁾ надъ ломаными, т. е. надъ дробями. (Прим. къ изд. Ефремова).

¹⁴⁾ т. е. дошелъ до самаго младшаго класса семинаріи.